

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НОВГОРОДА В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Новгород, расположенный на северо-западной окраине русских земель, уже в силу географических условий был посредником между ними и западными странами, поэтому внешняя политика Новгорода занимала важное место и в истории внешней политики Руси. Во внешней политике Новгорода можно выделить три главных направления. Одно из них — северо-западное — имело своим объектом Финляндию и Скандинавские страны, другое — западное — Ливонию и Ганзейский союз. Оба направления полностью находились в руках Новгорода, так как с государствами и политическими силами, являвшимися их объектами, остальная Русь непосредственных сношений не поддерживала. Что касается третьего направления — юго-западного, — нацеленного на Литву, то, хотя в сношениях Руси с Литвою, особенно в XIV—XV вв., определяющую роль играла Москва, позиция Новгорода также имела существенное значение.

Истоки внешней политики Новгорода восходят к временам Киевской Руси, когда сидевшие в Новгороде наместники великих киевских князей (как правило, их сыновья) совершали походы на финские и прибалтийские племена, вовлекая их в даннические отношения. Эти походы являлись эпизодами и из истории внешней политики Киевского государства в целом, поскольку Новгород входил в его состав, и из собственно новгородской истории, поскольку осуществлялись они местными силами и отвечали преимущественно местным интересам. Полностью новгородской внешней политика Новгорода становится в период боярской республики в XII—XV вв. благодаря тому, что хотя Новгород и был вовлечен в политическую систему Великого княжества Владимирского, но в силу ограниченности прав княжеской власти в Новгороде располагал свободой в решении важнейших вопросов своей жизни, в том числе и внешнеполитических.

Специальные работы о внешней политике Великого Новгорода в научной литературе появляются сравнительно поздно. В течение всего XVIII и начала XIX в. названная проблема затрагивалась почти исключительно в общих трудах по истории России.

Основоположник русской исторической науки В. Н. Татищев писал о походах новгородцев на емь (финны) и чудь (эсты) и взимании с них дани, а также о торговле новгородцев с немецкими купцами и столкновениях с немецкими и шведскими рыцарями. В соответствии с общим характером труда приводимые Татищевым известия о внешней политике Новгорода представляют собой обычно простое повторение летописных известий. Но, как это имеет место со многими сюжетами русской истории,

затрагиваемыми Татищевым, при изложении фактов внешней политики Новгорода встречаются и такие, сведения о которых в известных ныне источниках отсутствуют. Так, под 1226 г. Татищев сообщает о заключении новгородцами с послами Любека договора, по условиям которого немецкие купцы получили право беспоплатной торговли, но в строительстве собственных церквей им было отказано.¹ Такой договор в истории новгородско-немецких торговых отношений неизвестен: это относится как к дате договора, так и к его содержанию. И здесь перед исследователем встает загадка источников Татищева и степени достоверности его известий.

М. М. Щербатов в своей «Истории Российской» увеличил число используемых источников путем привлечения некоторых документальных, главным образом духовных и договорных грамот великих московских князей. Но к интересующему нас вопросу — внешней политике Новгорода — сказанное не относится: здесь источником является база Щербатова, как и Татищева, ограничивается летописями. Тем не менее изложение событий внешнеполитической истории Новгорода у Щербатова полнее в фактическом отношении, так как исследователь в большей мере, нежели Татищев, привлекал сочинения иностранных ученых по истории Скандинавских стран и Польши—Литвы. На рассмотрение Щербатовым сюжетов внешнеполитической истории Новгорода в ряде случаев наложил отпечаток свойственный в известной степени автору прагматизм — стремление найти объяснение описываемым событиям. Сообщая, например, о заключении в 1302 г. договора между Новгородом и Данией, Щербатов причину его усматривал во взаимном стремлении договаривающихся сторон занять себе союзника против Швеции.²

В начале XIX в. появились первые специальные работы, касающиеся внешнеполитической истории Новгорода, — это работы А. Х. Лерберга, вошедшие в состав его «Исследований, служащих к объяснению древней русской истории». Впервые «Исследования» были напечатаны в 1816 г. на немецком языке, а в 1819 г. вышли в переводе на русский язык.

В труде «О жилищах Еми», посвящен преимущественно историко-географический характер, Лерберг рассматривает вместе с тем историю взаимоотношений Новгорода с финскими племенами и шведами на основе не только русских, но и опубликованных в то время скандинавских, финских, немецких источников. Он пишет о давней зависимости еми от русов, выражавшейся

¹ Татищев В. Н. История Российская, т. III. М.—Л., 1964, с. 220—221. — Из общих трудов по истории России здесь мы коснемся лишь трудов В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, потому что во время их появления (особенно в конце XVIII—начале XIX в.) разработка вопросов внешних сношений и внешней политики Новгорода велась почти исключительно в рамках этих трудов, а середины же XIX в. она переместилась в специальную литературу.

² Щербатов М. М. История Российская, т. III. СПб., 1902, с. 257—258.

в уплате дани, о завоевательных действиях шведов в Финляндии, вызывавших ответные действия новгородцев. Впервые в русской исторической литературе освещаются Сигтунский поход 1187 г. (который, по мнению Лерберга, был совершен карелами, поднятыми на это новгородцами), роль папства в агрессии шведов против финнов и русских, рассматривается текст Ореховецкого договора 1323 г. и ряд других важных источников.³

В другой работе — «Об одной древней Новгород-Готландской грамоте и о Борхrame, который в ней называется» — Лерберг анализирует изданную немецким ученым Дрейером грамоту, касающуюся новгородско-немецких торговых отношений, и определяет ее как договор между Новгородом и немецким купечеством, заключенный в начале XIII в.⁴ Статья содержит интересные наблюдения о новгородско-немецких торговых отношениях, но определение грамоты как договора и ее датировка являются ошибочными: грамота представляет собой, как это установлено позднейшими исследованиями, немецкий проект договора 1269 г.

Значительной вехой в изучении внешней политики Новгорода явился выход в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (первое издание — 1816—1817 гг.). Ученый ввел в научный оборот не только новые русские, нарративные и документальные, источники, но и широко привлек иностранные источники, в их числе (по интересующей нас теме) ливонские хроники Генриха Латвийского и Бальтазара Руссова, так называемую «Руническую грамоту» (описание границ между Норвегией и новгородскими владениями в стране саамов⁵), тексты договоров со Швецией 1323 г. и с Норвегией 1326 г., не изданные в то время документы Кенигсбергского орденового архива и др. В «Приложениях» к своей «Истории» Карамзин поместил выдержки из использованных им источников или подробные изложения их содержания. В силу этого «Приложения», игравшие роль своеобразного архива, не потеряли свою ценность и в наши дни. Благодаря широте и разнообразию источниковой базы в труде Карамзина впервые в русской исторической литературе получили освещение такие важные события из внешнеполитической истории Новгорода, как обмен посольствами и заключение договора между новгородским князем Александром и королем Норвегии Хаконом в 1251 г., заключение новгородско-норвежского договора в 1326 г., война Новгорода с Ливонским орденом в 1443—1448 гг. и др.

У Карамзина заметнее, чем у его предшественников, стремление к анализу описываемых фактов и оценке исторических явлений, которые он производит, правда, часто с позиций психоло-

гизма. Так, одной из причин расцвета русско-ганзейской торговли ученый считает «мудрое бескорыстие» правительства Новгорода и Пскова, довольствовавшегося вниманием с ганзейцев умеренных пошлин; переход Новгорода в 1471 г. в подданство к великому литовскому князю Казимиру объясняет подкупом народа Марфой Борецкой и ее сторонниками.⁶ С развитием исторической науки эти, а также ряд других положений Карамзина были отвергнуты, но некоторые его выводы, касающиеся интересующего нас сюжета, выдержали испытание временем и утвердились в последующей историографии. К числу их относится мнение Карамзина о легкости дани, собираемой новгородцами с финских племен (еми, эстов), и отсутствии со стороны Новгорода попыток насильственного обращения в христианскую веру подвластных ему языческих народов.⁷

Начатое Карамзиным привлечение иностранных (особенно документальных) источников для изучения внешней политики Новгорода было продолжено в 30—50-х гг. XIX в. авторами специальных работ. И это закономерно: государственный архив Новгорода до нас не дошел,⁸ и образовавшуюся вследствие этого лауну могли заполнить лишь источники, сохранившиеся в архивах стран—внешнеполитических партнеров Новгорода.

П. Бутков издал текст «Рунической грамоты», а также тексты Ореховецкого договора со Швецией 1323 г. и с Норвегией 1326 г. с переводами их на русский язык. Свое издание Бутков снабдил примечаниями источниковедческого характера; в частности, «Руническую грамоту» Бутков, как и Карамзин, относил к концу X—началу XI в.⁹

К. Ленстрем, опираясь на работы шведских ученых, отметил существование двух видов текста Ореховецкого договора. Первый вид является текстом договора, заключенного в 1323 г., второй, устанавливающий более выгодную для шведов границу, представляет собой текст возобновленного в 1338—1339 гг. Ореховецкого договора.¹⁰ Гипотеза Ленстрема не получила откликов в последующей исторической литературе.

М. Славянский дал краткий обзор торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком. Обзор малоинтересен (большое место в нем занимают хронологические перечни событий), но для своего времени он был полезен, особенно если учесть, что автор давал изложения иностранных, еще широко в русской науке не использовавшихся источников. Стоит отметить, что Славянский

⁶ Там же, т. III с. 126; кн. II (т. V, VI, VII и VIII). СПб., 1842, т. VI, с. 19—21.

⁷ Там же, кн. I, т. II, с. 13; т. III, с. 53.

⁸ Шаскольский И. П. Судьба государственного архива Великого Новгорода. — Вспомогат. истор. дисциплины, IV. Л., 1972, с. 213—228.

⁹ Бутков П. Три древних договора русов с норвежцами и шведами. — Журнал Министерства внутренних дел, СПб., 1837, ч. 23.

¹⁰ Ленстрем К. О мирных договорах между Россиею и Швецией в XIV столетии. — Уч. зап. Казанск. ун-та, 1855, ч. II, с. 115—128.

³ Лерберг А. X. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819, с. 83—192.

⁴ Там же, с. 193—223.

⁵ Н. М. Карамзин (История государства Российского, кн. I (т. I, II, III и IV). СПб., 1842, прим. 61 к т. II, с. 26) ошибочно датирует грамоту концом X в.

впервые в русской историографии привлек к исследованию скру — устав Немецкого двора в Новгороде.¹¹

Академик Ф. Круг посвятил специальную статью разъяснению темных мест договорной грамоты повгородского князя Ярослава Ярославича с немецким и готландским купечеством 1269 г. (Круг пользовался нижненемецкой копией, присланной из архива Любека).¹² Тонкая интерпретация текста, предложенная Кругом, сохраняет ценность и в наше время, но определение грамоты как договора неудачно: в действительности грамота представляет собой новгородский проект договора.

Договором считал названную грамоту и И. Андреевский, опубликовавший ее нижненемецкий текст с переводом на немецкий и русский языки. Таким же образом (нижненемецкий текст с переводом на немецкий и русский) он издал в приложении к своей работе скру. В отличие от Круга Андреевский датирует грамоту Ярослава Ярославича 1270 г. К выводам Андреевского присоединился А. Энгельман, предпринявший для подтверждения предложенной Андреевским датировки специальные разыскания в области русско-ливонской хронологии XIII—XIV вв.¹³

В 1857 г. К. Э. Напьерский опубликовал найденные им в Рижском архиве грамоты, относящиеся к сношениям северо-западной России с Ригею и ганзейскими городами в XII—XIV вв.¹⁴ Издание открывалось публикацией неизвестных ранее новгородско-немецких торговых договоров XII—XIII вв.: договора повгородского князя Ярослава Владимировича (около 1195 г.) и великого князя Александра Невского (1257—1259 гг.). Оценивая значение изданных актов, И. Срезневский писал: «Всех важнее, и по древности и по содержанию, мирный договор Новгорода с немцами конца XII в., в списке половины XIII века. После договоров киевских князей с греками в X веке, это древнейший дипломатический акт русский, объясняющий сношения Руси с другими народами», второе место после него занимают изводы договорной грамоты Смоленска с Ригею 1228 и 1229 гг., а третье — та грамота Александра Невского, которая тут же издана и при которой приложена в списке вышеозначенная грамота конца XII в.¹⁵ Срезнев-

¹¹ *Славянский М.* Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком. СПб., 1847.

¹² *Krug Ph.* Über den Vertrag des Fürsten Jaroslav Jaroslawitsch und der Nowgoroder mit den Deutschen, Gotländischen und Wälschen Kauffahrern von Jahr 1269. — In: *Krug Ph.* Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. T. II. SPb., 1848, S. 619—638.

¹³ *Андреевский И.* О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855; *Энгельман А.* 1) Рецензия на книгу И. Е. Андреевского. — Отечественные записки, 1855, № 5, с. 8—30; 2) Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. СПб., 1858.

¹⁴ Грамоты, касающиеся до сношений северо-западной России с Ригею и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. СПб., 1857.

¹⁵ *Срезневский И. И.* Древнейшие договорные грамоты Новгорода с немцами: 1199 и 1263 гг. — Изв. АН по Отделению русского языка и словесности, 1857, т. VI, в. 2, с. 154.

ский дал развернутый поstateйный анализ договоров Ярослава Владимировича и Александра Невского и внес коррективы в их датировку: первый он предложил датировать 1199 г., второй — 1263 г.¹⁶ Благодаря публикации Напьерского и исследованию Срезневского начало договорных отношений Новгорода с немецким купечеством передвигалось с рубежа 60—70-х гг. XIII в. (см. выше) на конец XII в.

В 1862 г. вышел труд Э. Боннеля, посвященный русско-ливонской хронографии. Он состоит из двух частей: в первой (хронографической) в хронологическом порядке начиная с середины IX в. и до 1410 г. приводятся известия из русских, ливонских и ганзейских источников, касающиеся русско-ливонских и русско-ганзейских отношений; вторая часть содержит комментарии, где рассматриваются преимущественно вопросы хронологии.¹⁷

Труды П. Буткова, М. Славянского, Ф. Круга, И. Андреевского, А. Энгельмана, К. Напьерского, И. Срезневского, Э. Боннеля, содержавшие публикации важных памятников внешнеполитической истории Новгорода и их источниковедческое исследование, подготовливали источниковую и источниковедческую базу, необходимую для специального изучения внешней политики Новгорода.

Иной характер носил труд А. Гиппинга «Нева и Ниеншанц», также затрагивавший интересующую нас тему. Истории Ниеншанца Гиппинг предпослал очерк истории Ингрии (Ижорской земли), входившей в состав новгородских владений; при этом своей задачей автор считал не столько исследование источников, сколько создание общей картины исторического развития избранного им района. Естественно, что в ней получили отражение и взаимоотношения Новгорода с финскими племенами и шведами. Признавая давнюю зависимость Финляндии (еми) от Новгорода, Гиппинг объяснял потерю Финляндии Новгородом напряженностью его отношений с великими князьями, а также необходимостью отражать набеги литовцев и вести борьбу в Ливонии. Интересна мысль исследователя об ослаблении внешнеполитической активности Новгорода в XIV в.: Новгород «не увлекался уже страстью к завоеваниям, особенно с того времени, как великие князья перестали являться к нему на помощь с своими полками, он брался за меч только для защиты своих пределов или для наказания врагов, нарушавших его покой».¹⁸

С. М. Соловьев в «Истории России», которая начала выходить с 1851 г., чрезвычайно расширил круг источников по внешнеполитической истории Русского государства XV—XVII вв. за счет

¹⁶ Там же, с. 166 и 171.

¹⁷ *Bonnel E.* Russisch-liwländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. SPb., 1862.

¹⁸ *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц, ч. I. СПб., 1909, с. 73, 76, 150—151 (исследование Гиппинга впервые опубликовано в 1836 г. на шведском языке).

обильного привлечения документации Посольского приказа, но при освещении внешней политики Новгорода он пользовался примерно той же источниковой базой, что и Карамзин (с учетом, конечно, материалов и выводов специальных работ середины XIX в.). Близок к карамзинскому и объем включенного в «Историю России» фактического материала по внешней политике Новгорода, но объяснение ее характера и отдельных внешнеполитических акций Новгорода дается более глубокое. Остановимся на двух положениях Соловьева.

Говоря о потере Новгородом власти над Эстонией, ученый пишет: «Обыкновенно наступательные движения новгородцев на Чудь происходили в минуты ладов их с своими князьями, но такие минуты были очень редки, и потому движения новгородцев не могли отличаться постоянством — вот причина, почему они не могли утвердиться в Эстонии и успешно спорить с немцами о господстве над нею». Причину перехода Новгорода в подданство к великому литовскому князю Казимиру в 1471 г. Соловьев усматривает в «раздвоении между гражданами новгородскими, между лучшими и меньшими людьми»: знатные тяготели к Литве, «меньшие» — к Москве.¹⁹ Не останавливаясь сейчас на вопросе о справедливости приведенных суждений Соловьева, отметим, что в первом случае имела место попытка связать внешнюю политику Новгорода с общим ходом новгородской истории (важнейшим фактором которой ученый считал взаимоотношения с великими князьями), во втором — с социальными отношениями внутри новгородского общества.²⁰

В 60-е гг. XIX в., когда в результате проведенных в России реформ оживилась русская либеральная мысль, Новгород с его вечевым устройством стал предметом живейшего внимания русских историков. За короткий срок появились три монографии, посвященные его истории: И. Беляева, Н. Костомарова и В. Пасека.²¹

Для настоящего обзора представляют интерес разделы монографии Костомарова «Севернорусские народоправства», специально посвященные борьбе новгородцев с немецкими и швед-

¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I (т. 1—2). М., 1959, с. 637; кн. III (т. 5—6). М., 1960, с. 49—20.

²⁰ Мы касались освещения внешней политики Новгорода в общих трудах по истории России Татищева, Щербатова, Карамзина, Соловьева, потому что в XVIII в. специальной литературы, посвященной названной проблеме, в русской исторической науке еще не существовало, а в первой половине XIX в. эта литература только начинала развиваться. Для последующих же периодов развития отечественной историографии, когда интересующие нас специальные исследования получили более широкое распространение, мы ограничимся лишь их рассмотрением, не привлекая общих трудов по истории России, а также Прибалтики и Финляндии.

²¹ Беляев И. История Новгорода Великого от древнейших времен до его падения. М., 1866; Костомаров Н. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада, т. I—II. СПб., 1863; Пасек В. Новгород сам в себе. М., 1870.

скими рыцарями и торговле Новгорода.²² В первом разделе автор показывает, как борьба Новгорода с Немецким орденом из-за Ливонии и со шведами из-за владычества над емью переросла (после того как Ливония и земля еми были утеряны) в борьбу за сохранение целостности Новгородского государства. Во втором разделе, касаясь торговли Новгорода с ганзейскими городами, Костомаров высказывает мысль, что немецкое купечество в силу своей корпоративности, с одной стороны, и разьединенности русских купцов — с другой, диктовало последним выгодные для себя условия торговли. «Новгородская торговля была более выгодна для немцев, чем для благоденствия туземного края... Новгородская волюность служила предметом эксплуатации для немцев»,²³ — пишет исследователь. По сравнению с мнением Карамзина, объяснявшего выгодность для Ганзы торговли с Новгородом «мудрым бескорыстием» его правительства, эта мысль была более правильной.

В последней трети XIX в. в связи с возрастанием в русской исторической науке интереса к экономическим проблемам создаются специальные работы, исследующие и экономическую жизнь древнего Новгорода, особенно его торговлю с Западом. Написание этих работ совпало с введением в научный оборот большого документального материала по истории Ганзы, Ливонии, Швеции, включающего и источники по внешнеполитическим и внешнеторговым связям Новгорода.²⁴

Первой работой, опирающейся на эти источники, было исследование М. Н. Бережкова «О торговле Руси с Ганзой до конца XV века». Автор дает обзор торговли в широких масштабах: он рассматривает торговые сношения с Ганзой и Новгорода и Полоцка, истории русско-ганзейской торговли предпосылает очерк торговли Руси в доганзейскую эпоху. Как заметил А. И. Никитский, такая широкая постановка темы имеет то положительное значение, что дает возможность обозреть целое, но в то же время она препятствует разработке отдельных вопросов, в частности о характере торговли, о степени активности новгородских купцов.²⁵ Недостатком работы М. Н. Бережкова является и то, что конкретную историю новгородско-ганзейских отношений он дает без показа той определенной политики, которая скрывалась за внешне случайным сцеплением событий, благодаря чему эта исто-

²² Костомаров Н. Севернорусские народоправства..., т. I, с. 327—394; т. II, с. 175—258.

²³ Там же, т. II, с. 202.

²⁴ Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, Bd. I—XII, 1853—1910; Zweite Abt. Bd. I—III, 1900—1914; Die Recesse und andere Akten der Hanse setze von 1256—1430, Bd. I—VIII, 1870—1897; Zweite Abteilung — von 1431—1476, Bd. I—VII, 1876—1892; Dritte Abteilung — von 1477—1530, Bd. I—IX, 1881—1913; Hansisches Urkundenbuch, Bd. I—XI, 1876—1916; Sverges Traktater med främmande magter jemte andra dithörande handlingar.

²⁵ Никитский А. И. Рец. на кн.: О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. Сочинение М. Бережкова. СПб., 1879. — Отчет о 22-м присуждении наград графа Уварова. СПб., 1880, с. 2—7.

рия превращается у него в бесцельные чередования враждебных столкновений, ссор, примирений.

В ином плане, нежели книга М. Н. Бережкова, построен очерк торговли Новгорода с Западом в «Истории экономического быта Великого Новгорода» А. И. Никитского, вышедшей уже после смерти автора в 1893 г. Никитский рассматривает новгородско-немецкую торговлю как бы в статическом разрезе, он дает характеристику торговых отношений, истории их у него нет. Большой заслугой Никитского является то, что он первым обратил внимание на меры, к которым прибегали новгородцы для ограничения деятельности ганзейцев в своих владениях: закрепление за своими подданными права на перевозку ганзейских товаров, артельный характер деятельности лиц, занимающихся этой перевозкой, запрещение торговли ганзейцев с гостями и т. д., иными словами, Никитский впервые поставил вопрос о проведении Новгородом определенной торговой политики, но исследования ее он, к сожалению, не дал. На это обратил внимание А. Лаппо-Данилевский, подчеркнувший, что минусом труда Никитского являются выпадение вопросов экономической политики, а также отсутствие указания на связь между экономическим строем Новгорода и его политикой.²⁶

В области изучения в конце XIX—начале XX в. новгородско-скандинавских отношений можно назвать лишь две работы: небольшую, но важную библиографическую заметку Я. К. Грота и статью А. Каарана о русско-норвежских отношениях XIII—XIV вв.

Грот сообщал об издании шведским ученым Рюдбергом до тех пор неизвестного русского текста Ореховецкого договора и о результатах исследования тем же Рюдбергом рукописной традиции договора, являвшегося одним из важнейших памятников внешнеполитической истории Новгорода.²⁷

В статье Каарана центральное место занимает анализ материалов посольства новгородского князя Александра к норвежскому королю Хакону в 1251 г. Если Карамзин и Бутков сведения о посольстве Александра Невского в Норвегию черпали из компилятивного сочинения шведского историка XVII в. Торфея,²⁸ то Кааран наряду с трудами норвежских ученых привлекал первоисточник — сагу о Хаконе Старом. Интерпретация рассказа саги в статье Каарана такова: посольство Александра Невского прибыло к королю Хакону, чтобы урегулировать столкновения, про-

²⁶ Лаппо-Данилевский А. Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI—XV вв. СПб., 1895, с. 8—9.

²⁷ Грот Я. К. Библиографические и исторические заметки. Ореховецкий договор. — Сб. ОРЯС, 1877, т. XVIII, № 4, с. 1—7; см. также: Труды Я. К. Грота, т. IV. Из русской истории. Исследования, очерки, критические заметки и материалы. СПб., 1901, с. 11—15.

²⁸ Шаскольский И. П. Посольство Александра Невского в Норвегию. — ВП, 1945, № 1, с. 113, прим. 2.

исходившие в Финмаркене между норвежскими сборщиками дани и карелами, подданными новгородского князя, которые также собирали там дань. В результате переговоров было заключено соглашение, по которому Лапландия и Финмаркен считались общим русско-норвежским дистриктом, при этом одна часть его кочующего вместе с оленями населения платила дань Руси, другая — Норвегии. Внутри дистрикта русско-норвежская граница не была проведена; он имел лишь внешние границы: с одной стороны — с Норвегией, с другой — с Русью. По мнению Каарана, соглашение 1251 г. являлось первым русско-норвежским договором, заключенным по вопросу о Финмаркене. Договор 1326 г. между Новгородом и Норвегией лишь подтверждал внешние границы между общим дистриктом и собственными владениями обоих государств.²⁹

Подводя итоги сделанному в русской дореволюционной историографии в сфере изучения внешней политики Новгорода, следует отметить, что наибольшее внимание привлекали новгородско-ганзейские отношения. Источниковедческому исследованию и тщательной интерпретации были подвергнуты договоры Новгорода с немецкими городами XII—XIII вв., заложившие фундамент русско-ганзейских отношений, созданы обобщающие труды (Бережкова, Никитского) о их развитии. Но несмотря на полноту и высокий уровень (для своего времени) этих трудов, в них получил освещение только экономический аспект русско-ганзейских отношений (собственно торговля) и остался незатронутым политический (торговая политика). Никитский, как мы уже заметили, поставил вопрос о торговой политике Новгорода, но его не развил. При исследовании сношений Новгорода с его соседями на северо-западе рассматривались договоры Новгорода со Швецией и Норвегией XIII—XIV вв., общая же картина новгородско-финско-скандинавских взаимоотношений была дана лишь в работах Лерберга и Гиппинга, написанных более 100 лет назад. История русско-ливонских отношений в специальных работах вообще не исследовалась (если не считать названных трудов Энгельмана и Боннеля в областях хронологии), история русско-литовских отношений также. Не получил разрешения, да и не был поставлен во всем объеме и такой кардинальный вопрос, как связь внешней политики Новгорода с его экономическим строем и особенностями социально-политического развития. Для объяснения степени внешнеполитической активности (или, напротив, пассивности) Новгорода обращались обычно к его отношениям с великими князьями. Но ведь этот фактор был далеко не единственным.

В советской историографии с середины 30-х гг. стал проявляться большой интерес к героическому прошлому нашей страны и борьбе ее народов за независимость. Особое внимание уделялось борьбе Новгорода против немецко-шведской крестоносной агрес-

²⁹ Кааран А. К истории Русского Севера. Русско-норвежские отношения. — Изв. Архангельск. о-ва изучения Русского Севера, 1910, № 14, с. 21—33.

сии и военно-политической деятельности Александра Невского. На эту тему за последние 40—45 лет написаны десятки общих и научно-популярных книг, статей и брошюр, авторами которых часто являлись крупные ученые. Не имея возможности рассмотреть сейчас указанную литературу, отметим, что она сыграла большую роль в воспитании патриотизма и гордости за славную историю нашей Родины.³⁰ Одновременно названная выше тематика подверглась углубленной разработке в специальных исследованиях.

Было проведено источниковедческое изучение источников, повествующих о Ледовом побоище и связанных с ним событиях военно-политической истории. Это изучение начал В. Т. Пашуто, проанализировавший «Рифмованную хронику», основной ливонский источник.³¹ Продолжили его Ю. К. Бегунов, И. Э. Клейнберг и И. П. Шаскольский. Бегунов исследовал русские источники — рассказы летописей и «Жития Александра Невского», Клейнберг и Шаскольский осуществили комментированное издание ливонских источников с переводом на русский язык.³²

В трудах советских историков получил всестороннее освещение вопрос о роли папства в организации немецко-шведского наступления на Русь в начале 40-х годов XIII в., о которой в дореволюционной историографии писали лишь мимоходом. Пашуто убедительно показал связь между немецко-шведской агрессией в Восточной Европе и происходившей в это время в Западной Европе ожесточенной борьбой между папством и Империей; немецко-шведское наступление являлось одним из звеньев в политике папства, стремившегося к установлению своей гегемонии в Европе.³³ Шаскольский на фактическом материале рассмотрел деятельность Вильгельма Сабинского, папского легата в балтийских странах, осуществлявшего на практике идею объединения феодально-католического рыцарства для наступления на русские земли.³⁴

В. Т. Пашуто в нескольких работах дал общую картину борьбы народов нашей страны за независимость в XIII в., в том числе и борьбы новгородцев против крестоносного наступления,

³⁰ Библиографию см.: История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. История СССР с древнейших времен до вступления России в период капитализма. М., 1956, № 7242—7272.

³¹ Пашуто В. Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.

³² Бегунов Ю. К., Клейнберг И. Э. и Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище. — В кн.: Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М., 1966, с. 169—240.

³³ Пашуто В. Т. О политике папской курии на Руси (XIII век). — ВИ, 1949, № 5.

³⁴ Шаскольский И. П. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против Руси. — Истор. записки, 1951, т. 37.

кульминацией которой были Невская битва и Ледовое побоище.³⁵ В монографии Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» всесторонне рассматривается внешняя политика как Киевского государства, так и образовавшихся на его основе русских политических центров XII—первой половины XIII в., в частности Новгорода. Автор отмечает традиционность для Новгорода торговых и политических связей со странами Северной Европы — Швецией, Данией, Норвегией, начавшиеся в XII в. конфликты между Новгородом и Швецией в связи со шведской экспансией в Финляндии, усложнение внешнеполитического положения Новгорода в начале XIII в. из-за немецко-орденской агрессии в Прибалтике, потерю Новгородом его позиций в Финляндии и Эстонии, фактическое объединение в 30—40-х гг. XIII в. сил феодально-католического рыцарства Ливонии, Швеции, Дании для крестоносного похода против Руси, особую опасность этого похода, так как он совпадал (и, очевидно, не случайно) с татаро-монгольским завоеванием, крах захватнических планов агрессоров. В монографии Пашуто, основанной на самом широком круге русских, западных и восточных источников, внешняя политика Новгорода рассматривается в ее взаимодействии с внешней политикой других русских политических центров и с международными отношениями в Европе.³⁶ Автор создает, таким образом, широкое и яркое историческое полотно, в которое интересующий нас сюжет входит в качестве одной из составных частей.

По другому пути пошел И. П. Шаскольский, вычленивший из внешней политики Новгорода одно ее направление — взаимоотношения с финскими племенами и шведами — и сделавший его объектом своих многолетних исследований; первые статьи Шаскольского на эту тему вышли в 1940 г., обобщающая же монография — «Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв.» — в 1978 г. Монография Шаскольского вобрала в себя все основные положения и основной материал его предыдущих статей,³⁷ поэтому именно ее мы сделаем предметом своего рассмотрения.

³⁵ Пашуто В. Т. 1) Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1951; 2) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956; 3) Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV вв. — ВИ, 1969, № 6, 7; 4) Александр Невский. М., 1975.

³⁶ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 146—150, 226—241, 290—297.

³⁷ Шаскольский И. П. 1) Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV вв.). — Истор. журнал, 1940, № 4—5; 2) Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой. — Военно-истор. журнал, 1940, § 7; 3) Емь и Новгород в XI—XIII веках. — Уч. зап. ЛГУ, 1941, № 80, серия истор. наук, в. 10; 4) Сигтунский поход 1187 г. — Истор. записки, 1949, № 7; 5) Предание о «Сигтунских вратах» и его достоверность. — Уч. зап. ЛГУ, 1949, № 112, серия истор. наук, в. 14; 6) Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в. — Изв. Карело-Финск. фил. АН СССР, 1951, № 2; 7) Новые материалы о шведском походе 1240 г. на

Автор поставил своей задачей показать не только борьбу русских и шведов, но и роль в ней прибалтийско-финских племен. Поскольку последняя определялась в значительной мере характером взаимоотношений между финскими племенами и Новгородом до шведского завоевания Финляндии, постольку Шаскольский подробно на нем останавливается. К давно утвердившемуся в русской науке мнению о зависимости еми и чуди от Новгорода, выражавшейся в уплате дани, исследователь добавляет (и, на наш взгляд, вполне справедливо) указание на «поверхностный, неглубокий характер новгородской власти в землях прибалтийских племен», на ее «по сути дела — более примитивный характер» (по сравнению с организацией шведской власти. — *Н. К.*), благодаря чему на подчиненных Новгороду территориях не нарушался местный уклад жизни, в то время как шведская экспансия сопровождалась его ломкой.³⁸

И. П. Шаскольский прослеживает три волны шведской экспансии и соответственно три этапа борьбы Новгорода против нее: 1) борьба новгородцев со шведами в юго-западной Финляндии (территория независимого от Новгорода племени сумь) и на берегах Балтийского моря в XII в.; 2) борьба за центральную Финляндию (земля еми) и берега Невы в 20-х гг. — середине XIII в.; 3) борьба за Карелию и берега Невы в конце XIII — начале XIV в. Автор показывает, как постепенно с боями, нанося противнику тяжелые удары (Сигтунский поход 1187 г., Невская битва и Ледовое побоище, поход Александра Невского через Финский залив в Финляндию зимою 1256 г.), отступали новгородцы из Финляндии и Карелии, сумев окончательно остановить шведов только на берегах реки Сестры (по Ореховецкому договору 1323 г.). Основная причина потери Новгородом его позиций в Финляндии и Карелии заключалась, как правильно подчеркивает автор, в феодальной раздробленности Руси. Но будучи вынужденными согласиться с переходом Финляндии и западной Карелии под власть шведов, новгородцы отбили все попытки шведов обосноваться в устье Невы и тем самым сохранили Русь важный для нее выход в Финский залив.

В работах Шаскольского получили освещение и взаимоотношения Новгорода с его самым северным соседом — Норвегией. Упоминание Карамзиным новгородско-норвежских переговоров 1251 г. и публикация Бутковым текстов «Рунической грамоты» и договора Новгорода с Норвегией 1326 г. не вызвали откликов в русской исторической литературе, если не считать названной статьи Каарана.

Русь. — Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1951, № 3; 8) Карелия в новгородское время. — В кн.: История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. Петрозаводск, 1952, с. 70—85; 9) Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40—50-х гг. XIII в. — Истор. записки, 1953, т. 43.

³⁸ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978, с. 6, 8, 16—17.

И. П. Шаскольский заново рассмотрел вопрос о первых новгородско-норвежских контактах. Сопоставляя имеющийся в саге о короле Хаконе рассказ о прибытии к нему в 1251 г. посольства новгородского князя Александра и об установлении ими мира «между собой и своими данническими землями» с содержанием «Рунической грамоты», определяющей права Новгорода и Норвегии на дань с саамов, автор высказывает мысль, что «Руническая грамота» (которую он предлагает называть «Разграничительной») представляет собой текст договора 1251 г., первого в истории русско-норвежских отношений. Анализируя же содержание точно датированного договора 1326 г., автор полагает, что его основной целью являлось восстановление после ряда столкновений на севере (прослеживаемых по исландским сагам) прежнего положения, так как в тот период ни у Новгорода, ни у Норвегии ввиду ряда внутренних и внешних причин не было сил для его изменения.³⁹

Неизвестный ранее эпизод из истории новгородско-датских сношений XV в. был рассмотрен в статье автора настоящих строк. Занимаясь изучением русско-ливонских и русско-ганзейских отношений, он обратил внимание на имеющиеся в ганзейских документах известия о переговорах, которые вело в 1428 г. в Копенгагене прибывшее туда посольство Новгорода. Из этих известий следует, что в условиях происходившей с 1426 г. на Балтике войны между Данией и вендскими городами каждая из воюющих сторон стремилась использовать Новгород в своих интересах: вендские города побуждали новгородское правительство объявить войну Дании (имелось в виду, очевидно, открытие военных действий в Финляндии), а датский король — арестовать находившихся в Новгороде ганзейских купцов. Но Новгород не пошел на поводу ни у Ганзы, ни у Дании. Столкновение между ними он попытался использовать для того, чтобы добиться возвращения западных карельских погостов, потерянных Новгородом по Ореховецкому договору 1323 г. Однако война, начатая в 1428 г. великим литовским князем Витовтом против Новгорода, побудила последний отказаться от своего требования и довольствоваться заключением с королем Дании мира на пять лет (условия мира неизвестны). Новгородско-датские переговоры 1428 г. показывают, что в международных отношениях севера Европы Новгород пользовался значительным весом.⁴⁰

При изучении западного направления внешней политики Новгорода (сношения с Ливонией и Ганзой) внимание советских ис-

³⁹ Шаскольский И. П. 1) Посольство Александра Невского в Норвегию. — ВИ, 1945, № 1; 2) Договоры Новгорода с Норвегией. — Истор. записки, 1945, т. 14. — Отрывок из саги о Хаконе Старом автор использует в переводе Е. А. Рыдзевской; в настоящее время перевод опубликован в книге: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 70—71.

⁴⁰ Казакова Н. А. Дания и Новгород в 20-х годах XV века. — Скандинавский сборник. XVII. Таллин, 1972.

следователей специально привлекал вопрос о характере взаимоотношений Новгорода с прибалтийскими племенами. Подчеркивалась давность новгородско-эстонских связей, нашедшая отражение, в частности, в языковых заимствованиях (из русского языка в эстонский). Отмечалось, что относительная мягкость зависимости эстов от Новгорода по сравнению с порядками, которые несли немецкие крестоносцы, обусловила на определенных этапах борьбы прибалтийских племен против западных завоевателей образование русско-эстонского военного союза.⁴¹

В последние десятилетия наряду с разработкой вопросов борьбы Новгорода с Ливонским орденом в XIII в. (о чем уже говорилось) в орбиту интересов советских историков вошли и новгородско-ливонские отношения более позднего периода. И. Э. Клейнберг осветил борьбу новгородцев в начале XV в. за утверждение пограничной линии по р. Нарове (Орден стремился передвинуть ее на восток) и право владения островами, расположенными в устье Наровы, а также военно-морские действия новгородцев во время войны Новгорода с Орденом в 1443—1448 г. Особенно интересен анализ сражения, происшедшего в начале июля 1448 г. у устья Наровы, в ходе которого новгородские воины, находившиеся в легких ладьях, сумели нанести поражение немецким бусам и шнекам.⁴²

Большое место в советской историографии заняло изучение экономических связей Новгорода с Западом. И здесь следует назвать прежде всего монографии А. Л. Хорошкевич и Е. А. Рыбиной. Хорошкевич посвятила свое исследование рассмотрению состава товарооборота между Новгородом и Ганзой в XIV—XV вв., Рыбина — изучению на основе археологических данных торговли Новгорода, в частности торговли с Западом.⁴³ Обе исследовательницы касаются в отдельных случаях торговой политики Новгорода, но в целом их работы имеют экономический аспект.

В ином ракурсе (история внешней и внутренней политики) написана статья А. Л. Хорошкевич «Из истории русско-немецких отношений XIII в.». Задавшись целью установить причины появления в докончании великого князя Ярослава Ярославича с Новгородом 1270 г. статьи, регулирующей отношения князя с немецким купечеством — «А в Немецком дворе тебе торговати нашею братиею; а двора ти не затворяти; а приставов ти не приставливати», — автор ищет их в развитии взаимоотноше-

⁴¹ *Зугис Я.* Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв. — Историк-марксист, 1940, кн. 3; см. также названные выше работы В. Т. Пашуто.

⁴² *Клейнберг И. Э.* 1) Военно-морские действия новгородцев при отражении орденской агрессии 1443—1448 гг. — История СССР, 1958, № 4; 2) Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV в. — Научные доклады высшей школы, истор. науки, 1960, № 2.

⁴³ *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963; *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978.

ний Новгорода, Ордена и немецкого купечества, а также Новгорода с великими князьями. Появление рассматриваемой статьи (она повторялась во всех последующих договорах Новгорода с великими князьями), ограничивающей права князя в сношениях с немецким купечеством, явилось, по справедливому заключению Хорошкевич, результатом «всего развития государственного строя Новгородской республики, с одной стороны, и увеличения веса новгородского купечества во внутренней жизни города и урегулирования его взаимоотношений с немецким купечеством — с другой».⁴⁴

Некоторые моменты из истории международного права Новгорода, обусловленные его политикой в отношении Ганзы и входивших в ее состав ливонских городов, рассмотрены в статьях И. Э. Клейнберга «Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв.» и «Унификация воцаного веса в новгородско-ливонской торговле XV в. (Из истории внешнеторговой политики Иванского ста)».⁴⁵ Особенно важны выводы статьи «Цена, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV—начале XV в.».⁴⁶ Здесь автор убедительно показывает, что прибыль ганзейских купцов складывалась главным образом за счет имевшего место в русско-ганзейской торговле уменьшения реального содержания единиц веса ввозившихся ганзейцами в Новгород товаров от начала пути, проходимого товаром (в месте его покупки), к концу этого пути (в месте продажи товара); уменьшение реального содержания единиц веса приносило ганзейцам (покупавшим и перепродававшим товары) прибыль в виде оставшейся в их руках части товара, и эта прибыль была высокой. Вывод Клейнберга помогает лучше понять некоторые черты торговой политики Новгорода (о них будет сказано далее).

Исследованием сношений Новгорода с Ливонией и Ганзой в XIV—XV вв. длительное время занимался автор настоящего обзора. Итогом его работы явилась монография «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV—начало XVI в.» (Л., 1975).⁴⁷ Если предыдущих исследователей при изу-

⁴⁴ Истор. записки, 1965, т. 78.

⁴⁵ В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961; Археограф. ежегодник за 1965 г. М., 1966.

⁴⁶ В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968.

⁴⁷ Названной монографии предшествовали статьи: *Казакова Н. А.* 1) Из истории сношений Новгорода с Ганзой в первой половине XV в. — Истор. записки, 1949, т. 28; 2) Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. — Истор. записки, 1954, т. 47; 3) Борьба Руси с агрессией Ливонского ордена в первой половине XV века. — Уч. зап. ЛГУ, 1959, № 270, серия истор. наук, в. 32; 4) Русь и Ливония 60-х—начала 90-х годов XV века. — В кн.: Международные отношения России до XVII в. М., 1961. — Статьи, вошедшие в состав указанной книги, но относящиеся ко времени после присоединения Новгорода к Русскому государству (т. е. освещающие политику уже не Новгорода, а Русского государства), здесь не называются.

чении новгородско-ганзейских отношений интересовал их экономический аспект, собственно торговля, то в названной монографии анализируется политический аспект — торговая политика Новгорода, а затем Русского государства в отношении Ганзы, рассматриваемая как часть внешней политики. Объединяя в рамках одной книги изучение русско-ганзейских и русско-ливонских отношений, автор исходил из их тесного переплетения, реально существовавшего в исторической действительности.

В указанной монографии, написанной на основе совокупности всех русских и западных (ливонских и ганзейских) источников, показано, что Ливонский орден в XIV—XV вв. не оставлял своих агрессивных планов в отношении русских земель. В начале XV в. Орден в союзе с литовскими феодалами вел войну против Пскова с целью его захвата и подчинения власти Ордена. В 40-х гг. XV в., в разгар феодальной усобицы на Руси, Ливонский орден предпринял войну против Новгорода; заключенный в ходе войны наступательный по своему характеру договор между Орденом и королем трех скандинавских государств Кристофором о военном союзе против «неверных» русских означал восстановление антиновгородской коалиции Ордена и шведских феодалов, которая дважды угрожала Новгороду в предшествующие века (в 40-х гг. XIII в. и в 40-х гг. XIV в.). Политика Новгорода в отношении Ливонии в рассматриваемое время носила оборонительный характер: целью ее являлась защита независимости и территориальной целостности Новгородской земли. Большое влияние на сношения с Ливонией оказывало стремление новгородского правительства создать для новгородских купцов, торгующих за рубежом, наиболее выгодные условия торговли. Эта линия новгородской политики явственно прослеживается по новгородско-ливонским договорам XV в. Таким образом, если для политики Новгорода в отношении Восточной Прибалтики в XIV—XV вв. характерно в целом снижение степени ее активности (Новгород не помышлял о восстановлении своих верховных прав над Эстонией, а думал лишь об обороне), то в вопросах, касающихся торговли, активность новгородской политики значительно возрастает.

Возрастание активности, как устанавливает автор рассматриваемой книги, было характерно и для торговой политики Новгорода в отношении Ганзейского союза в целом. В ранний период русско-ганзейской торговли в силу монополии Ганзы на посредническую торговлю между Русью и Западом ганзейцам удалось установить в Новгороде выгодный для себя порядок торговли: ганзейцы имели право основные продукты русского экспорта — воск и меха — осматривать, воск «колупать» (откалывать для проверки его качества куски, которые затем в счет веса купленного воска не засчитывались), а к мехам требовать «надбавок» — надбавок, рассматривавшихся как компенсация за возможную недоброкачествоность купленного товара. Новгородские купцы подобных прав в отношении ввозившихся ганзейцами в Новгород товаров не имели: сукна они покупали кипами, соль — мешками,

сельдь, вино, мед — бочками, без измерения и взвешивания, что создавало для ганзейцев возможность получения дополнительной прибыли за счет недомера и недовеса товаров, продаваемых новгородцам. Чтобы сохранить в своих руках все выгоды от посреднической торговли между Русью и Западом, ганзейцы стремились воспрепятствовать возникновению непосредственных торговых контактов между русскими землями и западноевропейскими странами. С начала XV в. в связи с подъемом экономики Новгорода новгородцы начинают активно противодействовать преобладанию ганзейцев в области внешней торговли. Правительство Новгорода предъявляет ганзейцам требования о ликвидации неравных условий торговли и предоставлении новгородцам «чистого пути за море»; последнее должно было способствовать развитию заграничной торговли новгородских купцов. Оба требования, выдвигавшиеся Новгородом на протяжении XV в. то более энергично, то менее активно, оказались безрезультатными: Новгороду, являвшемуся частью феодально-раздробленной Руси, не удалось преодолеть, как это показано в монографии, сопротивление Ганзы.

Специальных работ, посвященных изучению третьего направления внешней политики Новгорода (юго-западного) в советской историографии, как и в русской дореволюционной, нет. Но в некоторых трудах вопросы новгородско-ливонских отношений затрагивались. В наибольшей мере их касается В. Н. Бернадский в монографии об истории Новгорода в последнее столетие его самостоятельности. Говоря о значении, какое имели в политике Новгорода его взаимоотношения с Литвой, ученый указывает, в частности, что «если в Новгородской первой летописи выделить за пятидесятилетие, с 1380 по 1430 г., сообщения, выходящие за непосредственный круг новгородской жизни, то среди них первое место займут сообщения о Литве».⁴⁸ Бернадский убедительно показывает далее, что в конце XIV—начале XV в., когда великий литовский князь Витовт претендовал на подчинение своей власти Новгорода, последний ценою уступок и откупов, не прибегая к вооруженным столкновениям с могущественным соседом, стремился сохранить свою политическую независимость. Этой же цели служила и политика лавирования между Москвой и Литвою, проводившаяся в рассматриваемое время правительством Новгорода. В начале 70-х гг. XV в., когда политическое развитие русских земель поставило вопрос о подчинении Новгорода Москве, правящие боярские круги Новгородской республики предпочли отдать Новгород под власть великого литовского князя Казимира, чтобы таким образом сохранить свое господство в Новгороде и свои привилегии.⁴⁹

⁴⁸ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961, с. 202.

⁴⁹ Там же, с. 202—214, 270—273.

Обзор работ советских историков позволяет, как нам кажется, констатировать наличие в советской историографии значительных успехов в деле изучения внешней политики Новгорода. Созданы обобщающие труды по важнейшим направлениям новгородской внешней политики (северо-западному и западному), опирающиеся на всю совокупность русских и западных источников и учитывающие результаты источниковедческих штудий. Но тем не менее сделано еще не все. Отсутствуют, как уже отмечено, специальные исследования сношений Новгорода с Литвою. Далеко не в должной мере изучена обусловленность внешней политики Новгорода особенностями его экономического и социально-политического строя. И наконец, не создана до сих пор обобщающая картина внешней политики Новгорода. Создание ее является одной из важнейших задач историков Новгорода.